

РЕЦЕНЗИИ

ДИСКУССИЯ О КНИГЕ МАРИНЫ МОГИЛЬНЕР «НОМО IMPERII: ИСТОРИЯ ФИЗИЧЕСКОЙ АНТРОПОЛОГИИ В РОССИИ»

Александр Эткинд

Марина Могильнер. Номо imperii. История физической антропологии в России. М.: Новое литературное обозрение, 2008. 505 с. ISBN 978-5-8679-3567-2.

Alexander Etkind. Address for correspondence: King's College, Cambridge University, CB2 1ST UK. ae264@cam.ac.uk.

В своей новой книге известный историк Марина Могильнер представляет фундаментальное исследование физической антропологии в России конца XIX и начала XX веков. Это богатый и малоисследованный материал, существенная часть интеллектуальной истории заката империи. В международной истории российской социальной науки таким дисциплинам, как психология, социология и этнография было уделено гораздо больше внимания, чем физической антропологии. Поэтому у книги Могильнер практически нет конкурентов. Являясь первооткрывателем нового пространства, Могильнер делает в своей книге многое, что положено первооткрывателям: обозначает его центры и границы, вводит основополагающие классификации, выделяет школы и их лидеров, описывает их амбиции и конфликты. Множество новых или хорошо забытых имен, фактов и наблюдений делают эту книгу важным вкладом в несколько взаимосвязанных областей науки: русскую интеллектуальную историю, историю русской культуры, историю медицины, историю позднего имперского периода.

На протяжении сотен страниц своей книги Могильнер с теплом и симпатией рассказывает о достижениях тех, кого она называет «российскими либеральными антропологами». Они измеряли черепа и тела подданных империи с помощью своих «модерных», сверкающих, не допускающих ошибок стальных приборов в лакированных футлярах. Они составили уникальные архивы расовых различий, доказывавшие физическое разнообразие людей на пространстве от черты еврейской оседлости до берегов Тихого океана. Российские либеральные антропологи следовали в основном русле международной науки своего време-

ни, получили признание передовых германских коллег, избежали характерных заблуждений французских и боролись с националистическими идеями отдельных русских коллег. Они создали некое подобие точной, «физической» науки о людях. Могильнер пишет ее историю в том же стиле, в каком историки естественных наук пишут историю физики или генетики.

Автор не обладает иммунитетом к тем проблемам, из-за которых тема ее книги была дружно проигнорирована предшественниками. Она сражается с ними лицом к лицу, в результате чего ей удается продвинуть их решение дальше, чем кому бы то ни было другому. Но проблемы остаются, и в этой рецензии я постараюсь осветить их так, как их вижу я, вполне осознавая, что мое восприятие отличается от авторского.

Главная проблема заключается в том, что «физическая антропология» в России, как и в Германии, Англии и Америке, оказалась тупиковой областью. Если она и получала развитие в XX веке, то оно оказывалось расистским и вело к программам геноцида, депортации и другим методам дискриминации на основании расовых признаков. То, что в XIX веке могло сойти за точную науку, в XX веке оказалось призывом к массовым убийствам. В XXI веке упражнения в физической антропологии представляются ни чем иным, как лженаукой. Их место в одном ряду с евгеникой, расовой наукой, экстрасенсорной психологией или исследованиями телепатии, которые тоже были популярны в XIX веке и имели как либеральные, так и протофашистские версии.

Исследования подобных областей знания очень популярны в современной истории культуры. В сочинении их историй выработалась устойчивая манера письма, полная иронии к их героям и особенно к их идеям, подчеркивающая культурные корни их заблуждений и их политические смыслы. Эта манера сильно отличается от апологетического тона, который сохраняется в истории естественных наук. Из новейших книг по истории физики или генетики мы неизменно узнаем, что открытия в этих областях имели культурные или даже религиозные корни, но все равно открывали доступ к универсальному знанию и благодаря этому обеспечивали прогресс человечества. Очень упрощая, можно сказать, что история заблуждений пишется ироническими красками, а история науки – апологетическими. Эти две палитры можно совместить на одном полотне, но такое упражнение требует особого искусства. Могильнер не ставит перед собой такой задачи. Вот характерная цитата: «Антропология, география, геология, почвоведение, метеорология – все это были новые дисциплины, необходимые для обеспечения таких модернизационных проектов, как строительство железных дорог, мостов, освоения недр, рационализация использования земель... Развитие этих дисциплин в России в значительной степени стимулировалось либеральной профессиональной ответственностью» (с. 160). Я хочу обратить внимание на отсутствие иронии в этом тексте, который рассказывает, на мой взгляд, о смешном и поучительном заблуждении. Следуя за своими героями, многие из которых и правда были замечательными *homo imperii*, Могильнер с доверием пересказывает их заявки на практическое применение их науки. Но если значение географии и геологии для железных дорог и освоения земель не вызывает сомнения, то место антропологии в этом

ряду сомнительно. Что в самом деле дали физические измерения живых или мертвых людей для решения хозяйственных задач? И что они могли дать? В лучшем случае, ученые соглашались в том, что разнообразие людей таково, что рекомендации невозможны. В худшем случае, они начинали давать рекомендации, которые могли привести только к квотам, депортациям и так далее. В любом случае – у физической антропологии не было роли в ряду наук, обеспечивших социальный и технический прогресс. Ее негативный потенциал, чреватый расизмом и нацизмом, оказался гораздо более реален, чем позитивный вклад в освоение земель.

Могильнер показывает, что у расовой антропологии в России были свои либералы, утверждавшие расовое разнообразие, и были фанатики, которые пытались превратить сверкающие инструменты этой науки в орудия тщеславия и дискриминации. Она показывает многолетнюю и, в академической жизни имперских столиц, успешную борьбу первых со вторыми. Но сосредоточившись на физической антропологии как науке, Могильнер не рассматривает более широкие контексты, в которых развивалась эта наука и которые она должна была принимать как данность. Например, черта оседлости в России была победой расовых фанатиков, которая была одержана задолго до того, как физическая антропология или даже культурная этнография были конституированы как дисциплины. Среда, в которой российские антропологи развивали свою науку о расах, была существенно более расистской, чем среда, в которой работали их германские учителя. Возможно, это придавало силы тем российским антропологам, которых Могильнер называет либералами, и лишало энергии их националистических оппонентов. Почти все, что могли на деле предложить последние – апартеид, депортации, квоты, – Российская империя осуществляла в разные десятилетия своей богатой практики, которая определялась бюрократами и генералами, не нуждавшимися в сверкающих инструментах расовой антропологии. Напротив, в более либеральной Германской империи идеи фанатиков, подтверждавшиеся этими инструментами, играли вполне реальную и пагубную роль. В книге, написанной энтузиастом новой имперской истории, я бы хотел видеть больше контекстуального анализа взаимодействий между историей, политикой и наукой. Однако в самых интересных местах своей книги Могильнер останавливается, оставляя их обозначенными, но недописанными.

В социальной истории принято критиковать «телеологию» как худший из грехов, и Могильнер свято следует этим не новым уже заветам. Это правда, что в начале XX века люди не знали, что расовая антропология ведет к Холокосту, так же как они не знали, что народничество приведет к советскому террору. Мы, наверное, не вправе оценивать их теории и практики на основании того, что знаем. К тому же в прошлом могли случиться и другие варианты развития событий. Холокоста могло и не быть, и далеко не всякая версия расовой антропологии была с ним идейно связана. В истории науки, однако, телеологические суждения практикуются постоянно и без излишних опасений. У историка науки нет другого способа установить ценность научного открытия – иначе говоря, отделить науку от лженауки – кроме как посредством оценки его судьбы во времени, будущем по отношению к этому открытию и прошлом по отношению к историку. Рассказывая о неко-

ей научной дискуссии, историк науки не возьмет на себя ответственность решать, кто был прав, но непременно расскажет, кто победил в ней, у какой позиции нашлись последователи и к чему это в конце концов привело. Тому жанру истории науки, в котором Могильнер написала свой труд, свойственны морализирующие, политизированные суждения, выдержанные в духе больших нарративов и длинных исторических контекстов. Опасаясь «телеологии», Могильнер лишила себя самого распространенного и, наверное, самого мощного из способов, каким историки науки строят из своего сложного материала осмысленные истории.

Каковы бы ни были причины этих самоограничений, они существенно обедняют эту книгу. Это сознательный выбор автора, на который читатель отвечает своим выбором. На мой взгляд, ритуальное избегание большого контекста скорее недостаток, чем достоинство этой работы. Переполненная именами и фактами, книга рассыпается на не всегда связанные между собой куски и отрывки. Запретив себе большой исторический нарратив, который в данном случае неизбежно включает революцию, расизм и Холокост, Могильнер упустила случай рассказать осмысленную, поучительную историю.